

Нет, не человек. Я не человек. А Сяо Шулань — он самый настоящий человек, и он постоянно твердил мне, что я должен помнить: я не человек. Кем бы я ни обернулся, в кого бы ни превратился, в глубине души человеком я не стану.

Он велел мне помнить мой истинный облик. И после этого запер меня здесь.

Запер в этой железной клетке, которая изначально предназначалась для зверей.

Он вовсе не считал, что унижает меня этим, ведь он человек, а я — демон.

Раз так, почему же ты тогда относился ко мне хорошо? Лишь потому, что ты был добр со мной, я так старался и хотел понять, что вообще представляет собой это людское чувство — любовь.

Оказывается, его, наверное, вообще не существует.

Даже если оно есть, то явно не ко мне.

Я прожил две тысячи лет, и всё оказалось впустую.

Я демон, а не человек.

Сяо Шулань протянул руку к винному кувшину, потряс его — тот снова был пустым.

Взяв меч, он собрался сходить за вином, сделал несколько нетвердых шагов, но вдруг сообразил, что идет не в ту сторону — он явно направлялся к комнате, где был заперт Лю Тинчжу.

Какое-то время он не мог определиться: налево или направо?

В конце концов он швырнул кувшин на пол и бросился в комнату навестить его.

Лю Тинчжу лежал плашмя, но, заметив его вошедшего, отвернулся.

Перевернуться ему удалось с большим трудом, и только тогда Сяо Шулань с ужасом осознал, что все эти три дня, пока он предавался пьяному забвению, Лю Тинчжу не мог сделать здесь даже глотка воды.

Сяо Шулань сбегал за какой-то едой и просунул ее через прутья клетки, но Лю Тинчжу не обратил на него внимания. Кусочки легли рядом с его рукой, и он небрежным движением оттолкнул их. Так повторялось несколько раз подряд. Сяо Шулань слегка раздраженно бросил:

— Ты будешь есть? Ты что, и вправду хочешь умереть здесь от голода?

Лю Тинчжу тихонько фыркнул — по голосу было слышно, как сильно он ослаб, — и холодно ответил:

— Уж лучше умереть, чем быть запертым в таком месте.

В Сяо Шулане разыгралась злость:

— Ты всего лишь лис, так скажи на милость, где же твое место?

Лю Тинчжу в ответ рассмеялся — тихо, едва слышно, но звонко и чисто.

— Не знаю, но если ты считаешь, что я заслуживаю такого унижения с твоей стороны, то я предпочту умереть. Говорю тебе: даже если я не человек, я ничуть не ниже тебя.

Сяо Шулань молча смотрел на него какое-то время, затем поставил еду и воду рядом с ним и произнес:

— Как знаешь.

Он развернулся и ушел.

Прошло еще два дня. Сяо Шулань не слышал никаких звуков, но упрямство и гордость мешали ему первому пойти на мировую.

Наконец, не выдержав, он украдкой прокрался к той комнате и долго заглядывал в окно. Лю Тинчжу лежал пластом, не издавая ни звука и даже не шевелясь.

У Сяо Шуланя сердце похолодело. Он вошел внутрь, чтобы проверить дыхание — оно было едва заметным.

Взглянув на еду, которую оставил там пару дней назад, он заметил, что даже к воде никто не притронулся. Сяо Шулань торопливо отпер замок и вытащил его на свет. Ощувив, что человек на его руках стал еще легче, он почувствовал острую боль в груди. Вернувшись в главную комнату, он поспешно налил чашку чая и попытался напоить его.

Губы Лю Тинчжу уже давно потрескались и покрылись коркой. Чуть приоткрыв глаза и увидев Сяо Шуланя, он поморщился и отвернулся.

Видя его упрямство, Сяо Шулань снова почувствовал боль в сердце и, смягчив голос, уговорил:

— Ну же, сделай глоток воды.

Лю Тинчжу чуть тронул уголки губ, не произнеся ни слова.

Сяо Шулань силой разжал ему челюсти и попытался влить питье, но стоило ему ослабить хватку, как Лю Тинчжу прямо ему в лицо выплеснул всю воду.

И тут Лю Тинчжу рассмеялся, хотя у него уже не осталось сил даже на громкий смех.

— Чего... чего ты еще хочешь?.. К чему это фальшивое лицемерие?.. Сразу тебе говорю: подожди еще день-другой, и я неизбежно вернусь в свой истинный облик. Тогда от человеческого подобия во мне не останется и следа, и ты сможешь запирать меня где угодно, хоть живьем сдирай с меня шкуру и вытягивай жилы — делай что хочешь... Почему тебе не удастся подождать еще немного?

Сяо Шулань с жалостью погладил его по лицу:

— Тинчжу, я был неправ. Ну же, послушайся.

Он снова налил чашку чая и поднес к его губам.

Но Лю Тинчжу пить не стал и тихо проговорил:

— Знаешь... в те дни, когда я оборачивался зверем, ты ведь не боялся меня, не испытывал

отвращения... Ты даже брал меня на руки, был так добр ко мне... В те моменты, порой... я даже переставал ненавидеть тебя за то, что ты разрушил мои двухтысячные старания... Мне казалось, что если кто-то так со мной обращается, это на самом деле так... хорошо...

Он вдруг рассмеялся, и в этом смехе то ли сквозило отчаяние, то ли пробивалась радость:

— У меня не хватает слов, чтобы описать свои чувства... В те минуты я предпочел бы навсегда остаться зверем, лишь бы ты продолжал держать меня на руках... Но потом я думал, что я вечно в образе лиса — тебе ведь это вряд ли понравится...

Сяо Шулань нежно убрал со лба прядь его волос. Лицо юноши было бледным и осунувшимся, но при этом поразительно чистым, почти отрешенным от всего земного.

А особенно глаза — ясные и прозрачные, как у ребенка.

Но ведь в его глазах явно блестели слезы, почему же он все равно так старался улыбаться?

— Прости меня...

Лю Тинчжу вздохнул и закрыл глаза.

— Я ведь лис, демон, а не человек... Тебе изначально не следовало забирать меня сюда из горных лесов... Законы человеческого мира нам не подходят.

Он резко распахнул глаза, и его чистые, как родниковая вода, зрачки уставились прямо на Сяо Шуланя:

— Поэтому либо отпусти меня обратно, либо... убей меня.

Сяо Шулань одной рукой обнял его, а другой держал чашку, мягко уговаривая:

— Послушай, выпей сначала воды. А остальное обсудим позже?

Лю Тинчжу внезапно взмахнул рукой, выбив чашку, и гневно выпалил:

— Я тебе не вещь! Не смей разговаривать со мной так, будто сюсюкаешь с котенком или щенком!

Сяо Шулань опешил. Чашка выскользнула из рук и со звоном разлетелась вдребезги о пол. Оглянувшись и заметив, что Лю Тинчжу тяжело дышит, он почувствовал, как сердце смягчилось.

— Хорошо, хорошо, пусть будет по-твоему. Послушай меня, выпей хоть немного, ладно? Тинчжу...

Лю Тинчжу поднял голову, и в его глазах плескалась нескрываемая обида.

— Не называй меня Тинчжу. Это всего лишь имя, а я не человек, я даже имени не заслуживаю!

Он попытался вырваться из объятий Сяо Шуланя.

Но после нескольких дней без еды и воды у него совсем не осталось сил, и от этого движения он тут же рухнул вперед.

Сяо Шулань поспешно подхватил его, но заметил, что дыхание юноши стало тоньше паутинки — тот потерял сознание.

Поколебавшись с минуту, Сяо Шулань перенес Лю Тинчжу на кровать, аккуратно укрыл одеялом и так и остался сидеть рядом, неотрывно и безучастно глядя на него.

Проведя так часов пять или шесть и почувствовав голод, он вышел из дома купить еды: Лю Тинчжу не мог вечно голодать, придется накормить его даже силой.

Вернувшись в комнату и отдернув полог кровати, он увидел, что Лю Тинчжу спит лицом к стене. Смягчив голос, он тихо позвал его пару раз, но ответа не последовало. Тогда он присел на край постели, осторожно повернул его к себе и протянул руку, чтобы погладить по волосам. Шелковистая мягкость заставила его гладить снова и снова, а пальцы тем временем постепенно скользнули к уху, на лоб, по щеке...

Внезапно пальцы пронзила острая боль: это Лю Тинчжу вцепился в них зубами с такой яростью, будто пытался откусить фалангу целиком.

Сяо Шулань с трудом выдернул руку — на ней уже выступила кровь.

Лю Тинчжу злобно уставился на него и процедил сквозь зубы:

— Проваливай!

Увидев зеленоватый блеск, вспыхнувший в глазах юноши, Сяо Шулань невольно испугался и отступил на шаг.

Лю Тинчжу наполовину приподнялся, прожигая его взглядом, полным ярости, и произнес:

— Разве ты не считаешь меня чудовищем? Стоит тебе приблизиться, и я откушу тебе палец!

Сяо Шулань посмотрел на него, не зная, то ли злиться, то ли жалеть, и мягко сказал:

— Ты имеешь полное право сердиться на меня, но нельзя же целыми днями ничего не есть. Послушай меня, съешь хоть что-нибудь, хорошо? Через несколько дней я отвезу тебя обратно в горы, идет?

Взгляд Лю Тинчжу внезапно стал пустым и расфокусированным.

— В горы...

Как же хотелось вдохнуть свежий воздух гор, ощутить утреннюю легкую дымку, похожую на дождь, вспомнить тот чистый родник, яркую луну, бамбуковую рощу, всё-всё, что там было...

Внезапно он уткнулся лицом в подушку, и в комнате раздались сдавленные, тихие рыдания.

— Ты уничтожил всё, что у меня было... А теперь говоришь, что вернешь меня обратно... Куда мне возвращаться? Даже Лотос Холодной Луны, с помощью которого я культивировал, ты сорвал...

Услышав это, Сяо Шулань почувствовал, как сердце сжимается от боли и стыда.

Он протянул руку, пытаясь прижать его к груди, но Лю Тинчжу снова яростно бросился на его

руку и вцепился зубами. Сяо Шулань отдернул ладонь и потрясенно уставился на него.

— Я же говорил: посмеешь хоть пальцем меня тронуть — я откушу тебе палец.

Про себя вздохнув и не зная, что предпринять, Сяо Шулань решил пока выйти и прикрыл за собой дверь.

Идти ему было некуда, поэтому он просто присел на пороге и стал отрешенно наблюдать, как дневной свет сменяется темнотой. Услышав, что в комнате стихло и юноша, судя по всему, заснул, он тихонько отворил дверь, зажег лампаду и подошел к ложу, но вид лежащего там существа заставил его отшатнуться.

Перед ним вновь отчетливо красовался тот самый маленький зверек с белоснежной шерсткой.

Поднеся лампаду поближе, Сяо Шулань внимательно разглядел его: лисенок сжался в плотный комок, явно страдая от холода — очевидно, из-за долгого голодания он ужасно ослаб и больше не мог поддерживать человеческий облик.

Увидев его истинный облик, Сяо Шулань уже не понимал, что испытывает — тоску или радость. Он протянул руку, желая подобрать малыша.

Но стоило его пальцам коснуться мягкой белой шерстки, как зверек злобно ощерился и бросился в атаку. Если бы Сяо Шулань не отдернул руку вовремя, кровопролития избежать бы не удалось.

Тяжело вздохнув, Сяо Шулань произнес:

— Тинчжу, послушай меня, не мучай себя. Я виноват, мне не следовало так с тобой обращаться. Поправишься — я верну тебе Лотос Холодной Луны и отпущу назад в горы, хорошо?

Лисенок забился еще глубже в постель. Сяо Шулань попытался протянуть руку снова, и зверек тут же в кровь искусал его пальцы. Несмотря на это, Сяо Шулань крепко прижимал его к себе и не отпускал.

Лисенок продолжал отчаянно кусаться, разодрав пальцы до костей, но Сяо Шулань словно ничего не чувствовал и позволял ему делать это.

Наконец лисенок поднял голову, и его темные глаза ярко заблестели.

Сяо Шулань обнял его еще крепче и тихо проговорил:

— Прости, я был неправ. Кусай, если это поможет тебе поесть, можешь хоть отгрызть мне пальцы, я не против.

Зверек долго-долго вглядывался в его лицо, потом постепенно ослабил хватку. К принесенной еде он, правда, по-прежнему даже не притронулся, из-за чего Сяо Шулань едва не топал ногами от отчаяния.

Глубокая ночь. В тишине раздавались лишь монотонные удары колотушки ночного сторожа.

Громкий, настойчивый стук в дверь безжалостно разбудил всех обитателей Зала Возвращения Весны.

Лекарю Чжу было уже за пятьдесят, и он отличался добрым нравом, а потому, даже будучи потревожен среди ночи, особо не сердился. В конце концов, врачебный долг и заключается в спасении людей и накоплении благих заслуг; если поставить себя на место других, то родственники больных всегда охвачены тревогой — как тут дожидаться рассвета?

Набросив халат, он зажег лампаду и пошел отворять дверь. На пороге стоял красивый мужчина с осунувшимся от тревоги лицом. На поясе у него висел меч, а сам он держался подтянуто и уверенно — обладая немалым жизненным опытом, лекарь с первого взгляда понял, что перед ним человек из мира цзянху.

Вот только этот мужчина уверенным шагом вошел в дом и уселся прямо на стул. Лекарь Чжу засомневался: обычно те, кто приходит за срочным вызовом, мечутся от беспокойства и торопят идти быстрее, с какой же стати горящий гость расселся тут как ни в чем не бывало? Неужели он собирается еще и чаю попить перед дорогой?

Приглядевшись к нему еще раз, лекарь заметил, что, хотя на лице гостя читалось предельное беспокойство, дух его был крепок, и он явно не производил впечатления раненого.

Тут мужчина достал из-за пазухи увесистый слиток серебра, положил его на стол и произнес:

— Слышал, что уважаемый лекарь искусно возвращает людей к жизни. Сегодня я хочу попросить вас спасти кое-кого.

Лекарь Чжу испугался: принесенный слиток весил не меньше десяти лян. Сам он был человеком мягкосердечным, и если за помощью обращались бедняки, он часто не брал платы, а то и вовсе отдавал лекарства даром. Но этот гость швырялся такими деньгами — неужели ему требуется вылечить какого-то опасного разбойника?

Пока старик терзался дурными предчувствиями, мужчина заговорил снова:

— Лекарь, не бойтесь. Спасать вам придется вовсе не злодея, просто эту историю трудно рассказать в двух словах, поэтому надеюсь, вы обойдетесь без лишних подозрений.

С этими словами он откинул полу верхнего халя и показал спрятанного на груди белого лисенка.

Лекарь Чжу остолбенел:

— Это... вы хотите, чтобы я вылечил вот это?

Брови Сяо Шуланя грозно сошлись на переносице:

— Он не лисица!

Голос прозвучал глухо, но в нем отчетливо слышалось раздражение.

Вздвогнув, лекарь горько улыбнулся:

— Если это не лисица, неужели человек?

Сяо Шулань хлопнул ладонью по столу и вскочил на ноги. Он дни и ночи напролет уговаривал этого упряма, накопив в душе немало злости, и теперь все накопившееся выплеснулось наружу:

— Я сказал, он человек, а не лисица! Называйте цену в серебре, я заплачу сколько потребуется, только исцелите его!

Он прекрасно понимал, что ведет себя неразумно — лисенок довел себя до такого состояния из-за собственного упрямства, и медицина тут ничем не поможет. Но он руководствовался лишь старой поговоркой: в смертельной беде хватаешься за любые средства.

Сяо Шулань осторожно поднял его и ласково спросил:

— Что такое?

Лисенок прижался головкой к его шее, извертевшись так и сяк. От этого щекотного движения Сяо Шуланю захотелось рассмеяться. В этот момент до него дошло: стоило ему лишь произнести, что тот человек, а не лиса, как этот вредный зверек тут же его простил.

Неужели ему требовалось всего лишь это?

— Готов поест?

Лисенок высунул язык и лизнул его в губы. Сяо Шулань громко рассмеялся, швырнул на стол еще один слиток серебра и бросил:

— Благодарю лекаря!

После чего развернулся и широким шагом вышел прочь.

Лекарь Чжу выскочил за ним с криком:

— Пойдите! Я же ничего толком не сделал! Это... я не заслужил такой награды...

Но смех Сяо Шуланя уже доносился издалека:

— Я обошел столько лекарей, но помочь мне смогли только вы. Если не вас благодарить, то кого же?

— Что же ты в конце концов хочешь съесть! — воскликнул Сяо Шулань, глядя на лисенка, устроившегося на столе, с выражением комичного отчаяния на лице.

Что бы он ни предлагал, тот делал пару кусочков и тут же воротил нос. Сяо Шулань горько улыбнулся:

— Мой дорогой предок, раз уж ты что-то хочешь, подал бы хоть знак. Я ведь понятия не имею, что тебе по вкусу!

Лисенок закатил глаза и уткнулся носом себе в лапы.

Сяо Шулань тут же сообразил: как он вообще мог ждать от него слов? Прижав зверька к себе, он уговорил:

— Съешь хоть что-нибудь, ради всего святого. Что ты будешь делать, если совсем исхудает?

На этот раз лисенок просто зажмурился, решив полностью игнорировать его.

Продолжая горько улыбаться, Сяо Шулань наконец сдался:

— Ладно, тогда я отведу тебя в ресторан, будешь выбирать сам.

В его тоне сквозила доля мрачной решимости, сродни настрою воинов перед переправой через реку И.

Только представьте: заявиться в общепит с лисой на руках — без исключительного мужества тут определенно не обойтись.

Все посетители заведения то и дело косились на гостя, занявшего столик у окна.

Высокий, статный, одетый в плотный черный наряд для боевых искусств, с длинным мечом, лежащим прямо на столе — его правая рука то и дело рассеянно гладила рукоять.

Если бы не пугающая аура этого человека и грозное оружие, то не только посетители, но и сам соглядатай-слуга решил бы, что с ним что-то не так.

Из-за пазухи выглядывала крошечная головка — пушистая, белоснежная головка маленького лисенка.

Сяо Шулань развернул перед ним меню, но зверек даже не взглянул на него — вместо этого он вытянул лапку и стал переворачивать страницы одну за другой.

Сам Сяо Шулань сидел с абсолютно непроницаемым лицом, лишь изредка бросая суровые взгляды по сторонам, чтобы пресечь любые странные пересуды со стороны зевак, а затем снова переводил взгляд на стол: кошачья лапка лисенка указывала на блюдо из тушеной курицы с каштанами.

Когда блюдо подали, к самой курице лисенок остался совершенно равнодушен, зато его черные глазки-бусинки неотступно следовали за круглыми каштанами.

Сяо Шулань улыбнулся:

— Так вот что ты любишь, оказывается. Раньше я и не догадывался.

В итоге они заказали несколько порций тушеной с каштанами курицы: птицу съел Сяо Шулань, а каштаны полностью умял лисенок, после чего они прикупили на улице еще целый мешок лакомства.

Стояла глубокая зима, с неба валило густые хлопья снега. Сяо Шулань наглухо захлопнул дверь, но даже его мощная внутренняя энергия не спасала — пальцы продолжали ззябнуть, и он то и дело тер их друг о друга.

Разведя огонь у печи, он попытался вытащить лисенка из-за пазухи, но тот наотрез отказался вылезать. Сяо Шулань усмехнулся:

— У тебя столько шерсти, а ты всё еще боишься холода? Иди сюда, здесь огонь, совсем не холодно.

Бросив взгляд на ярко пылающий огонь, лисенок наконец выбрался наружу.

Прижав его к груди, Сяо Шулань с ласковой усмешкой предупредил:

— Только аккуратнее, не бегай где попало, а то угодишь в очаг.

Заметив, что глазки зверька вновь прикованы к каштанам, Сяо Шулань тяжело вздохнул: он понимал, что легкой жизни сегодня ждать не стоит.

Усевшись у огня, он принялся чистить каштаны — от монотонной работы пальцы начали ныть, а самому ему так ничего и не перепало.

Кучка шелухи на полу возле печки уже заметно выросла. Не выдержав, Сяо Шулань не удержался от упрека:

— Ты всё еще будешь есть? Не боишься лопнуть от пережратого?

Лисенок бросил на него косой взгляд, и Сяо Шулань тут же потупился, послушно продолжая чистить.

Впрочем, он уже усвоил урок: раз лисенок падок на сладкое, это средство будет безотказно работать и в дальнейшем. Про себя он забавлялся этой ситуацией: когда этот вредина обретал человеческий облик, он почти не притрагивался к обычной земной пище, а стоило превратиться в зверька — становился донельзя прожорливым.

Так как обе руки Сяо Шуланя были заняты очисткой каштанов, его неизменный Меч Синего Дракона, разумеется, лежал на столе. В этот момент лисенок случайно наступил на круглую скорлупу, поскользнулся и полетел прямо со стола вниз — аккуратно по направлению к раскаленной жаровне. Сяо Шулань от неожиданности испугался, в один миг схватил его обратно, но при этом вырвал клочок шерсти, из-за чего зверек взвизгнул от боли.

Тут раздался громкий лязг: в спешке Сяо Шулань задел Меч Синего Дракона, и тот со стола рухнул на пол, сверкнув синевой и выскочив из ножен.

Почувствовав пустоту в руках — лисенок мгновенно удрал в главную комнату, — Сяо Шулань даже не удивился, зная, как сильно тот боится этого меча. Раздался громкий всплеск, и Сяо Шулань, в ужасе подобрав меч и загнав его в ножны, бросился наружу. Лисенок угодил в садовый пруд, наполовину покрытый льдом, наполовину заполненный водой, и теперь отчаянно барахтался в ледяной жиже.

Сяо Шулань разрывался между смехом и жалостью: почему это создание в зверином облике бывает до такой степени бестолковым? В самый разгар суровой зимы эта вода пробирала до костей!

Торопливо шагнув вперед, он вытащил лисенка из воды и спрятал на груди.

Зверек уже всю дрожал от холода, забиваясь все глубже под одежду Сяо Шуланя так, что тому стало щекотно. Он лишь мысленно сокрушался, почему этот упрямец до сих пор не вернул человеческий облик.

Вскипятив кадку горячей воды, Сяо Шулань опустил туда лисенка. Зверьку купание явно пришлось по душе — он весело заплескался в деревянной бадье, заставив улыбнуться и самого Сяо Шуланя.

Тем временем уже совсем стемнело. При тусклом свете свечей в комнате Сяо Шулань вдруг

заметил странную деталь: днем шкурка лисенка казалась ослепительно-белой, в темноте же она начинала отливать едва заметным синевато-зеленоватым свечением. Страшно удивившись, он решил, что обязательно расспросит его об этом, когда тот снова станет человеком: что же он за зверь такой удивительный?

В этот момент раздался стук в дверь. Брови Сяо Шуланя слегка нахмурились: в такую лютую зиму, когда снег на улице лежит толстым слоем в полфута, кто станет заявляться скупщиком древностей? Если бы Моли вернулся сам, он уж точно стал бы стучать в дверь.

Стук был мерным и неторопливым, выдавая полное спокойствие гостя. Выждав пару мгновений, ритмичный стук повторился снова.

Заметив, что лисенок насторожил уши и в его взгляде читается крайняя подозрительность, Сяо Шулань протянул руку, подхватил его, перенес на кровать и тщательно укрыл одеялом, тихонько шепнув:

— Сиди тихо, не привлекай лишнего внимания.

Перейдя в переднюю комнату, он распахнул дверь. В лицо пахнуло ледяным ветром вперемешку с колючим снегом, и Сяо Шулань невольно передернулся от холода, с досадой подумав, что следовало бы накинуть тяжелую шубу.

Гость на пороге не стал для него сюрпризом, и Сяо Шулань позволил себе легкую, холодную усмешку.

Те Чжэн стоял посреди снежной бури словно изваяние. На нем по-прежнему был его привычный скромный наряд стражника: никакой теплой одежды, но при этом ни малейшего признака дрожи от холода.

— Какими судьбами в такую метель, уважаемый начальник стражи? — Сяо Шулань оперелся рукой о косяк двери, даже не думая приглашать его внутрь.

Взгляд Те Чжэна скользнул по усыпанному шелухой от каштанов полу, а затем лениво оглядел комнату.

— Не ожидал, что в столь скромной лавке сыщется столько редких вещей. Даже в императорских хранилищах едва ли найдешь что-то подобное.

<http://bllate.org/book/21147/2144245>